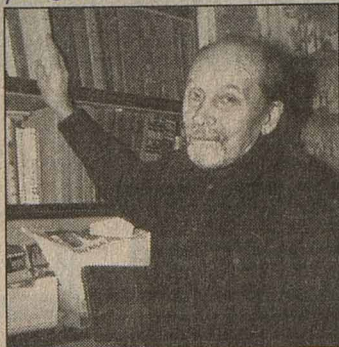

О, крутейший, понтовый и стебный русский язык!

Веч. Москва - 1999 - 21 окт. - с. 12

На телевидении, увы, давно миновали времена, когда речь, звучащая в эфире, была эталоном грамотности не только для простых зрителей, но и для специалистов (на дикторское произношение ссылались школьные преподаватели словесности). С развитием системы телерадиовещания в России, появлением десятков станций и каналов стандарт грамотности был утрачен. Корреспондент TV-Текста Людмила Сатушева встретила с ревностным защитником русского языка в эфире, русистом Борисом Павловичем Ляшенко.

Сергей ФАДЕЕВ

Тренер по русскому языку
Борис Ляшенко

ТТ: Как случилось, что вы стали отстаивать нормы русского языка именно на телевидении? Вы филолог по образованию?

Б. Л.: По образованию я географ, актер и киносценарист. Я никогда сознательно не стремился на телевидение, должно быть, потому что внутренне чувствовал: ТВ требует от человека определенного обаяния, привлекательной внешности, умения общаться с механизмами. Я поклонник радио. Мой роман с радио начался довольно давно при забавных обстоятельствах. Родился я в Сибири в украинско-русской малообразованной семье. У одного из моих родителей за плечами было два класса школы, у второго — четыре. Родители много работали, я был предоставлен сам себе. Летом я «жил» на улице. А зимой, поскольку у меня не было даже валенок, сидел дома у окошка. Ничего интересного снаружи я почерпнуть не мог — город Камень-на-Оби был уродливый, как будто кто-то взял дома и высыпал их в кучу пепла, разровняв кое-как. И вот весной 1934 года я сидел дома и помирал со скуки, когда соседский мальчик позвал меня в гости послушать радио. Прибор, который я увидел, был одним из первых радиоприемников (какой-то крохотный кристаллик, на котором нужно было искать волну). Я был «диким» ребенком, поэтому был ошеломлен звуками речи, лившейся из прибора. Мне тут же захотелось посмотреть, как выглядят слова на бумаге, поэтому в четыре года я научился читать. В пятилетнем возрасте я сидел в кинотеатре у матери на коленях и читал вслух титры с экрана (фильмы были еще немые). Когда приехал в Москву, преподавателям уже не нужно было со мной заниматься языком, поскольку я двадцать лет слушал московское радио и в совершенстве освоил московский диалект. С тех пор радио оставалось моей единственной любовью. Оно подходит мне по духу. Радиостудия — совсем иное дело, нежели телестудия: темно, уютно, сидишь один, слышишь только свой голос. Видимо, это комплекс одинокого ребенка.

Борис Ляшенко имеет почти полувековой опыт работы на радио и ТВ, работал вместе с Юрием Левитаном, Ольгой Высоцкой, Владимиром Герцыком, преподавал на журфаке МГУ. Автор и ведущий публицистических и познавательных передач, в том числе об эстетике русского языка. Сегодня он — литредактор ТСН, наставник молодого поколения тележурналистов. Александр Гурнов в предисловии к книге Бориса Ляшенко «Как надо и как не надо говорить в эфире» (библиотека ТЭФИ) сказал о нем: «Неважно, какая языковая норма представляется вам правильной. В эфире будет считаться грамотным только то, что считает правильным Ляшенко».

ТТ: Как строятся ваши занятия по языку на ТСН?

Б. Л.: Телевидение, как всякий жанр искусства, где используется живое слово, нуждается в грамотных специалистах. Сейчас я занимаюсь тем, что учу правильно говорить молодых журналистов ТСН. Я начинаю с того, что даю им словарь наиболее часто встречающихся ошибок (дикторский словарь штудировать сложно — в нем 76 тысяч слов). Я прошу: посмотрите внимательно, вы будете удивлены, сколько встретится слов, в произношении которых вы уверены, но произносите их неверно. Они всегда заявляют мне поначалу: «Борис Павлович, не делайте из нас актеров и дикторов!». Я выливаю на них ушат холодной воды, парируя: «Вам далеко до актеров и дикторов, вы даже не умеете пока говорить». Они должны разговаривать со своей характерной манерой, нотами, но грамотно, с той выверенной природой интонацией, которая и делает нас говорящими людьми.

ТТ: Фактически вы занимаетесь с ними риторикой?

Б. Л.: Да, но риторикой «разговорной», не бытовой, не интимной. Я учу их «рассказывать» информацию. Чтобы они не читали текст с суфлера монотонно, как пономарь, а как бы пересказывали. Это, оказывается, довольно сложно. На ТСН есть ведущий с типичным пороком, характерным для современных телерадиожурналистов, — ударять каждое последнее слово предложения. «Сегодня произошла схватка федеральных войск с чеченцами. После непродолжительных боев чеченцы отступили». Я прослушиваю все информационные выпуски ТСН, фиксирую ошибки и потом вывешиваю стенгазету. Сейчас ошибок стало меньше. Это, конечно, искусство, а ремесло, но страшно необходимое. Искусство начнется потом, когда овладеешь ремеслом, и к сухой информации сможешь добавлять свою человеческую теплоту.

ТТ: Вам не кажется странным, что дипломированных специалистов приходится переучивать?

Б. Л.: Да, это так. На «Радио России» мы проводили несколько дикторских конкурсов. Приходили ребята с журфака, и я знал, что к ним нужно относиться настороженно, поскольку курса «работы у микрофона» у них не было. Но особенно меня поражали выпускники Института повышения квалификации для работников радио и телевидения. Они приходили и говорили: афера, опёка... Кто учил их так говорить? Мы не взяли ни одного выпускника из этого вуза. Легче было взять «зеленых» журналистов и научить их говорить: они не сопротивляются и к замечаниям относятся с благодарностью.

ТТ: Почему вы считаете, что нормы русского языка искажаются народом? Норма ведь не застывшее образование, она со временем изменяется...

Б. Л.: Я всегда объяснял, что речь народа никогда не являлась эталоном грамотности. Народ не составляет словари. Народ создает удивительно образный язык, в каждом регионе существуют свои говоры и на-

речия, но общенациональный литературный язык вырабатывается в интеллигентной среде. Язык — вещь живая, он изменяется, но существуют литературные каноны, которые не позволяют перейти на просторечие. Несколько десятилетий у нас была всего одна радиопрограмма, язык которой был безупречен, поэтому существовал живой канон, на который можно было сослаться. Были строгие критерии отбора дикторов, действовала служба, которая «слушала» эфир. Теперь появилось множество радио- и телестанций. В эфир пришли люди, которым, начиная с яслей, никто квалифицированно русский язык не преподавал.

Массовая культура хороша только для масс. Воинственное неприятие культуры в русской нации живет на каком-то инстинктивном уровне. Мне это знакомо, поскольку я вырос в среде, где главным достоинством человека считалось умение быть как все. Пусть плохо, пусть заскорузло, пусть против всех правил, главное — не высываться. Может быть, это скромность. Но это в то же время уничтожение любых ростков самосознания. Как придорожная трава — не вытопчешь, потому что прочная, и красоты никакой.